

Как-то он снял с камина решетку, которая изображала толстых бородатых сатиров. «Проклятие! — вскричал он. — Эти жирные подлецы греются в свое удовольствие, а я помираю с холоду!».

Раз и Малербу приехал один из его племянников после девятилетнего пребывания в коллеже. Малерб захотел, чтобы тот ему истолковал два-три стиха Овидия, от чего юноша пришел в большое замешательство. Дав ему промямлить добрых четверть часа, Поэт сказал молодому человеку: «Послушайте, племянничек, будьте отважным воинком; ни на что другое вы не способны».

Некий дворянин, родич Малерба, был обременен детьми. Поэт выразил ему по этому поводу сочувствие. Тот ответил, что для него дети никогда не могут быть в обузу, лишь бы они стали порядочными людьми. «Никак не соглашусь с вами, — ответил Малерб, — я предпочту съесть капуна вдвоём с каким-нибудь вором, нежели с тринадцатью капуцинами».

На следующий день после смерти маршала д'Анкра²¹ он спросил г-жу де Вельгард, которую застал собирающейся к мессе: «Как, сударыня, неужто еще осталось о чем-нибудь просить у Господа бога после того, как он избавил Францию от маршала д'Анкра?».

В тот год, когда праздник Сретения пришелся на пятницу, Малерб рано поутру, часов в семь или восемь, решил поджарить остаток бараньего окорока, припасенного им еще с четверга. Входит Раказ и восклицает: «Как, судари! Вы едите мясное, а ведь Владычица наша уже восстала с ложа своего!». — «Вы шутите, — отвечает Малерб, — наши дамы никогда не встают так рано».

Он часто навещал г-жу де Лож. Однажды он увидел у нее на столе толстую книгу, написанную г-ном Дюмуленом против кардинала дю Перрона; уже при одном только взгляде на заглавие его охватило вдохновение, и он, потребовав перо и бумагу, записал такие стихи:

Учедось вижу в томс этом,
Блеск в умственной его игре,
Но лучше следовать советам
И наставлениям кюре.
Сии доктрины очень модны,
Но лишь для вертопрахов годвы;
А я, зови иль не зови,
За пастырем иду, смиренный:
Нам прав дозволен переменный
В одежде разве да в любви.

Г-жа де Лож, прочтя сии стихи, почувствовала себя задетой и почла делом чести ответить; вдохновившись, она взяла то же перо и на обратной стороне написала следующее:

О нет, благую добродетель
Отверг отнюдь не Дюмулен!